

Lyudmila N. Ikityan

Interregional Territorial Development Institute, Armyansk, Republic of Crimea

A Legitimate Error: On One Surname in the Works of Leonid Andreev

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 2, pp. 199–212

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.022

Language of the article: Russian

Икитян Людмила Нодариевна

Межрегиональный институт развития территорий, Армянск, Республика Крым

Узаконенная ошибка: об одной фамилии у Леонида Андреева

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 199–212

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.022

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.022
УДК 821.161.1-31 Андреев +
+ 811.161.1'373.232

Л. Н. Икитян
Межрегиональный институт
развития территорий
Армянск, Республика Крым

УЗАКОНЕННАЯ ОШИБКА: ОБ ОДНОЙ ФАМИЛИИ У ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

В статье рассматривается заглавный антропоним первого романа Леонида Андреева «Сашка Жегулев». Проблемным он является вследствие сложившейся традиции произношения / написания и излишне прямых его ассоциаций с топонимом *Жигулёвские горы*, с присущим тому историко-культурным и ассоциативно-коннотативным маркированием. Ошибочность такого подхода автор статьи видит в игнорировании концепции романа, его основной символики и ряда текстовых фактов, наблюдение над которыми, их уточнение и корректировка легли в основу предпринятого исследования. В качестве научно-доказательной базы использованы лингвокультурные данные, текстовые свидетельства и автоинтертекст — художественный контекст ранней неоконченной пьесы писателя. В статье представлен также ряд общих положений о писательской практике имянаречения героев и приемах художественной номинации у Андреева (в частности, использовании говорящих имен, инициальных сокращений, нуль-приема). В произведении, ставшем предметом данного исследования, используется прием смены имени главного героя (*Саша Погодин* — *Сашка Жегулев*). Акцентирование второго (псевдонимного) онима в названии произведения расценивается как свидетельство его особого художественного ресурса. Ключевыми в ходе творческой «проработки» онима *Жегулев* названы фонетико-акцентологическая и лексико-семантическая (с опорой на диалектологическую) составляющие. Контекстуальный анализ позволил проследить связь исследуемого онима с ранними замыслами Андреева (набросками драмы «Жекулин») и реконструировать историю его создания в такой последовательности: *Жеку́лин* — *Жегу́лин* — *Жегу́лев* — *Же́гулев*. Некорректность формы *Жегулёв* подтверждает и анализ текста, воспроизведение одного из фрагментов которого

© Икитян Л. Н., 2019

в полном соответствии с особенностями его «озвучения» (позиционных изменений звуков) указывает на возможность единственного варианта — *Жёгулев*. Автор статьи утверждает, что в процессе расшифровки семантико-интерпретационного содержания исследуемого антропонима требуется учет установки писателя на преодоление слишком очевидных и, как следствие, поверхностных ассоциаций, во власти которых долгое время находятся как рядовой читатель, так и представители современного научного сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественная номинация, литературная ономастика, антропонимы, поэтика имени собственного, прием смены имени, название (заглавие) литературного произведения, Леонид Андреев, роман «Сашка Жёгулев».

Имена литературных героев, как и в целом стратегия авторского наречения персонажей, — один из ключей к постижению созданного художником образа. Немаловажным аспектом литературно-художественной номинации является ее функциональность: при всем многообразии установок художника ведущей остается сигнальная функция собственных имен. В результате оным — по своей природе весьма выразительная языковая единица — обретает дополнительное качество продуктивного средства художественной коммуникации.

Ономапэтика в исследованиях о Леониде Андрееве — писателе и драматурге начала XX в. — направление еще не только не раскрытое, но даже существенно не заявленное. Если же принять во внимание факт относительной молодости ономастики как научной отрасли и следующую из этого неравномерность в постижении фактов (в одних случаях добротном, а в других — ничтожно малом) [Фомин, 2004, 115–116], то ономастикон наследия Андреева составляет одну из множества лакун в этой области. При этом перспективность изучения в ономастическом аспекте творчества этого писателя, как и большинства классиков, не удостоенных внимания специалистов-ономастов, вряд ли вызывает сомнение.

Конечно, нельзя говорить о полном игнорировании данной проблематики в исследованиях андреистов (антропонимы [Глущенко, 2006]; идеонимы [Иезуитова, 2010]). Однако в подавляющем большинстве их характер как кратких ремарок, попутно привлекаемых по ходу общего литературоведческого анализа текста, свидетельствует, что разработка этой темы в полном объеме еще впереди. В ситуации слабой изученности художественного ономастикона Леонида Андреева неудивительно, что в интерпретации антропонимов в произведениях писателя есть положения, нуждающиеся в уточнении и существенной корректировке. Требуящим обсуждения нам видится заглавный антропоним первого романа Леонида Андреева «Сашка Жёгулев» (1911).

В качестве вводного замечания отметим, что данное исследование сконцентрировано вокруг частного случая андреистской поэтики, в связи с чем предвидим возражения относительно того, что анализ отдельных фактов показателен лишь в их системном прочтении. По этой причине считаем необходимым дать ряд общих положений о писательской практике имянаречения героев. Одним из них является

наличие в творчестве автора широчайшего спектра приемов художественной презентации поэтонимов. На их разнообразие у Андреева указывают, во-первых, говорящие имена с ярким (как и следует в таких случаях) целеполаганием — от нелепо-смешных прозвищ (*Фитюлька*, «Торжество Фитюльки»; *Баргамот*, «Баргамот и Гараська»; *Феклуша* (Александров), «Собачий вальс») до величаво-благозвучных антропонимов (отец *Иван Богоявленский*, «Сын человеческий»); или от обиходных форм — *Гараська* (простонародное от имени *Герасим*, «Баргамот и Гараська») до апеллирующих к книжной культуре, как, например, проклятый дух из драмы «Анатэма», для номинации которого «из множества наименований темной силы Андреев предпочел наиболее узнаваемое русским читателем, производное от слова “анафэма” с характерными для христианской традиции негативными коннотациями в обозначении того, “что отвержено людьми, обречено уничтожению” и потому “проклято”» [Икитян, 2017, 8]; или *Керженцев* — имя героя программных произведений Андреева (одноименных рассказа (1902) и пьесы (1913) «Мысль»), коррелирующее с говорящей фамилией героя Достоевского — *Раскольников*: *Керженцев* производно от гидронима *Керженец* — река, приток Волги, по берегам которой в свое время селились раскольники, а в обиход вошло слово *кержатый* в значении ‘раскольничий’ [Глушенко, 2006, 102]. Еще более красноречивым говорящее имя у Андреева становится при выявлении его несообразности облику, характеру или поведению героя, например: священник *Эразм Гуманистов* — горький пьяница (рассказ «Сын человеческий»), *Мария* (имя Богоматери)¹ — коварная продажная аферистка (роман «Дневник Сатаны»).

Второй прием — использование инициальных сокращений, обладающих, несмотря на краткость, емкой информативностью. Таковы, например, *король Э.* или *кардинал Х.* из романа Андреева «Дневник Сатаны» (1919). Возможность самых широких толкований инициалов дает основание дешифровать «содержимое» литеры Э и как «высокое» благородно-аристократическое имя типа *Эдвард* (*Эдуард*), и как указание на «сниженный» статус государя без престола, короля-изгнанника в компоненте-приращении «экс» со значением ‘бывший’. Возможно и характерологическое толкование этого инициального знака: напыщенность героя, потерявшего все, кроме «августейших» себялюбия и высокомерия, вынуждает видеть в Его экс-Величестве лишь чрезмерно раздутое Эго. В инициальном компоненте онима *кардинал Х.* также заключены «ножницы» диаметрально противоположных ассоциаций: он подчеркивает принадлежность героя к церкви Христовой и вместе с тем может указывать на полную профанацию им учения

¹ Примечательно, что подобной смысловой игры, построенной на «разобшенности» благообразного имени с обликом его носителя, нет при использовании Андреевым общеупотребительной неофициальной формы этого имени — *Маши*. Именно так названа героиня рассказа и пьесы «Мысль», больничная сиделка *Маши*, выразительница, по словам писателя, «твердых и бесспорных начал», в фигуре которой воплощена «жизнестойкая, царственная интуиция».

Христа. Последнее вытекает из «обезьяньей» игры с христианскими истинами кардинала, неслучайно именуемого в тексте «старой бритой обезьяной». Это заставляет вспомнить о «перевернутой» низово-комичной проекции дьявола — «обезьяны Бога» (в определении св. Иринейя, епископа Лионского), о «похеренности» перелицованного им догматического учения, т. е. его перечеркнутости, подобно букве *X* (церковно-старославянское название буквы — *xъръ*), к которой также может отсылать имя этого героя. Возможен еще один смысловой оттенок в концепции данного образа, вносимый графическим сходством инициального элемента уже с латинской буквой «икс», которая сначала в математике, а затем и в самом широком контексте означает искомое неизвестное [Попов, 1907], следовательно, может указывать на непроясненность этой фигуры — эдакого «мистера Икс».

Присуще Андрееву и использование так называемого нуль-приема — художественно мотивированного отказа от упоминания онима (например, безымянные герои рассказа «Марсельеза», повести «Мои записки») и, как его продолжение, — замена конкретных имен характерными именованьями или обезличенными «ярлыками» [Андреев, 2017, 573]. Посредством замены конкретных имен персонажей «анонимными голосами» [Там же] Андреев-драматург пытался в одних случаях разрешить проблему создания массовых сцен², в других — максимального обобщения на грани с условностью³.

При детальном и системном анализе ономапоэтики андреевского текста выявятся и иные подходы к творческой проработке поэтонимов. Однако проецируя их многообразие на основной объект нашего исследования — имя заглавного героя романа «Сашка Жегулев», — отметим, что в данном произведении главным приемом выступает смена этого имени. Использование кореферентных онимов — двух наименований одного субъекта (*Саша Погодин* — *Сашка Жегулев*)⁴ — и прояснение их символично-смысловой роли в формировании концепции всего романа требуют еще одного общего замечания, которое мы позволим себе, прежде чем перейдем к центральному для нас вопросу узаконенной ошибки заглавного антропонима.

Итак, герой романа, покидая дом, чтобы возглавить шайку «лесных братьев», свое имя *Саша Погодин* заменяет псевдонимным именем-символом *Сашка*

² Так, в первоначальном черновом решении образа толпы пьесы «К звездам» указаны такие действующие лица: «Первый (Второй) старик, Старческий (Детский) голос, Первый (Второй) женский голос, Первый (Второй) молодой голос, Грубый (Суровый; Негодующий; Наивный) голос, Первый (Второй) мужик, Кто-то, Высокий...» [Андреев, 2017, 573], а спустя два года в пьесе «Царь Голод» появятся герои: *Рабочий, Председатель, Профессор, Старик, Художник, Инженер* и др.

³ Например, действующие лица в пьесе «Жизнь Человека»: *Некто в сером, Человек, Жена Человека, Друзья и Враги Человека* и т. п., и в более поздней драме «Реквием»: *Режиссер, Маскированный, Его светлость, Директор* — олицетворения мировых сил.

⁴ Заметим, что первое имя использовано в качестве названия части I романа — «Саша Погодин», — а второе, помимо общего заглавия произведения, продублировано в названии части II.

Жегулев. В непосредственной привязке к носимому герою имени определял замысел романа и сам автор:

Я знал один из любопытнейших моментов русской истории: эпоху развала революции (первой революции 1905 г. — *Л. И.*). <...> И тут и там деятельное участие принимали подростки, гимназисты, которые бросали школу и шли в лес, чтобы организовать шайки экспроприаторов. Один из таких гимназистов даже нашумел на всю Россию. Имя его <...> Савицкий. <...> Вот этого Савицкого я взял героем своего романа, <...> который у меня назван Сашкой Жегулевым <...> Сашка Жегулев, впрочем, псевдоним, который он взял в качестве атамана шайки. Настоящее имя его, по роману, — Саша Погодин. Пока Саша Погодин живет в своей семье, учится в гимназии, — роман дает картину «городской» жизни, жизни культурных слоев русского общества. Во второй части романа Саша Погодин превращается в Сашку Жегулева. Он бросает город, гимназию, уходит в лес, поля, луга... Здесь он приходит в общение с «черноземной Россией», с народом! В общем, получается синтез всей России. Это — главная тема моего романа, который будет называться «Сашка Жегулев» [Андреев, 1994а, 613].

Интересно, что автор знакомит читателя с обоими именами главного героя в особой по своей функции главе романа «Золотая чаша» — своеобразном вступлении в повествование и в то же время квинтэссенции всего произведения. В ней автор прибегает к проспекции событий и обыгрывает идею соискания героем «доброе имени» в ходе пока не известного читателю сюжета:

Жаждет любовь утоления, ищут слезы ответных слез. И когда тоскует душа великого народа, — мятется тогда вся жизнь, трепещет всякий дух живой, и чистые сердцем идут на заклятие.

Так было и с С а ш е ю П о г о д и н ы м⁵, юношею красивым и чистым: избрала его жизнь на утоление страстей и мук своих <...> и жертвенной кровью его до краев наполнила золотую чашу. Печальный и нежный, любимый всеми за красоту лица и строгость помыслов, был испит он до дна души своей устами жаждущими и умер рано. <...> И был он похоронен вместе со злодеями и убийцами, участь которых добровольно разделил; и нет ему и м е н и д о б р о г о, и нет креста на его безвестной могиле.

Кто закроет глаза убийце? До последнего суда остаются открыты. <...> Кто осмелится закрыть глаза С а ш к е Ж е г у л е в у?

Но мать жива, и мать зовет его:

— Мой нежный Саша [Андреев, 1994б, 73].

Предупреждение читателя о смене имени главного героя подготавливает к мысли о серьезности вызвавших ее оснований. Художественная проспекция позволяет уже на начальной стадии знакомства с текстом увидеть связь наиболее важных его эпизодов. Однако предварительная «презентация» событий

⁵ Здесь и далее разрядка наша. — *Л. И.*

этого произведения Андреева фокусирует читательское внимание не столько на их последовательности, сколько на «психологии» произошедших с героем метаморфоз. Поэтому выбор в качестве названия романа именно псевдонимного онима со значительной долей вероятности подтверждает его концептуальную значимость. А акцентированный подобным образом внутренний ресурс избранного онима заставляет пристально изучить все его особенности, в том числе с позиций ономатологии.

Антропоним главного героя первого романа Леонида Андреева на сегодня имеет устойчивую форму написания и произношения — *Жегулёв*⁶. Такая номинация содержит определенный код культурной информации, аккумулятором которой довольно часто выступают имена собственные [Сапожникова, 2015, 176]. Огласовка имени заглавного героя как *Жегулёв* обусловлена его созвучием с топонимом *Жигулёвские горы* [см.: Ведица, 2008]. Историко-культурная и ассоциативная маркированность этого географического объекта как места крестьянско-разбойничьей вольницы во главе со Степаном Разиным имела место и в момент работы Андреева над романом об экспроприаторах. Потенциально именно в силу этого в литературных и околосредовых кругах название романа, и соответственно имя героя — атамана «лесных братьев», — прочитывалось как *Жегулёв*. Эту норму фиксирует, например, каламбур Демьяна Бедного, недоброжелательно отозвавшегося о новом творении Андреева в басне «Диво»:

Писатель так иной — шумит, гремит, грозит:
Твореньем новым он полсвета поразит!
Ан смотришь, кончилась нахвалка делом плёвым:
Примерно — «Сашкой Жегулёвым»

[Литературное наследство, 59]

Таким, т. е. в устойчивом созвучии с топонимом *Жигулёвские горы* и с ассоциативной привязкой к образу Степана Разина, входит этот поэтоним в традицию обиходного, и далее научного⁷, употребления. И хотя культурно-исторический

⁶ Известно, что до начала XX в. букву *ё* в печати употребляли факультативно, исключительно для прояснения смысла слова или предложения, а также при написании иностранных названий и имен. В дореволюционных букварях *ё* стояла в конце алфавита, а не как сейчас, после *е*. Лишь в 1917 г. был издан декрет (за подписью А. В. Луначарского) с постановлением о признании желательным (но вновь необязательным) употреблением в печати буквы *ё*. Роман «Сашка Жегулев» закончен и издан в 1911 г., потому его публикация осуществлялась по нормам, где *е* и *ё* графически идентичны (в отличие от современных переизданий). При этом позднее орфографические реформы 1917–1918 гг. многими русскими писателями воспринимались негативно. Леонид Андреев, в частности, не признавал нового правописания в силу того, что оно введено было «не законным путем, а декретом» и установило его не «правомочное русское правительство», а «шайка мошенников» [Андреев, 1994а, 167–168].

⁷ Исключением, нам известным, являются лишь знатоки литературы рубежа XIX — начала XX в. Л. А. Смирнова (Москва), автор монографии по творчеству Л. Н. Андреева (1987 г.), и Г. А. Зябрева (Симферополь), автор ряда статей по творчеству Андреева (Андреев — Достоевский).

контекст этих ассоциаций самому Андрееву как выходцу из черноземной России был известен и понятен⁸, все же очевидна его косвенность как научного доказательства. Его неосновательность легко обнаружить при внимательном отборе текстового материала — безусловного, в отличие от читательских ассоциаций, свидетельства авторских посылков. Итак, во-первых, точная поволжская «локация» в романе отсутствует: его художественное пространство очерчено окрестностями некоего провинциального губернского города Н., главным географическим маркером которого служит не только его удаленность от Петербурга (города детства героя), но и авторское обобщенно-символическое обозначение «черноземной России» [Литературное наследство, 40]. Во-вторых, если художественный образ главного героя романа Андреев ориентировал на Жигулёвскую «локацию»⁹, то почему не сохранил в его имени «географическое» правописание *Жигулёв*¹⁰? Заметим, что в данном варианте эта разница существенна именно при написании онима, в отличие от его произношения, где ослабленный безударной позицией гласный редуцирован.

Роман, как утверждал Горький, «перегружен психологией» [Литературное наследство, 401]. Собственно, психологизация действия и образов дает основание говорить об обращении автора к способам художественного изображения, которые могли бы передать психологическую глубину повествования. Излишне прямое ассоциирование для этого, на наш взгляд, не самый эффективный прием.

⁸ Например, в путевой заметке «Волга и Кама» Л. Андреева, путешествовавшего по великой русской реке и ее окрестностям, есть упоминание Жигулёвских гор, где молодой писатель развенчивает сложившееся представление о них, в том числе в связи с историей братьев-разбойников: «На Жигулёвские горы наклеветали, изображая их сборищем мрачных и одиноких вершин, — в действительности это сплоченная и дружная шайка превеселых ребят, курчавых, в красных кумачовых рубахах с балалайками. <...> на сотни верст тянутся Жигули, бесплодные, далеко в глубину поросшие непроходимым лесом, изрытые оврагами... и все же нет мрачности в этих приволжских горах. Безлюдье огромных пространств всегда чувствуется робким человеческим сердцем; чувствуется оно и здесь — но не страшит и не волнует жутким ощущением оторванности. Людей нет, но сами горы живут, округлые, кудреватые, сплошь пышно зеленеющие, живут какой-то веселой жизнью, раздольной и богатой» [Андреев, 1913, 259].

⁹ На расподобление Андреевым вариативных в начале XX в. форм написания данного топонима (ср.: Павлов А. П. Самарская лука и Жегули. СПб. : Тип. Якобсона, 1887; Ососков П. А. Известняк, которым мостят улицы города Самары, и Жигулевские горы : лекции. Самара : Типо-лит. Н. А. Жданова, 1892. Фиксирует двувариантность названия *Жигулевские* и *Жегулевские горы* и словарь Брокгауза и Эфрона [ЭСБЭ, 11, 935]) и на закрепление в словаре писателя за данным географическим объектом варианта *Жигулёвские горы* свидетельствует прижизненное издание полного собрания сочинений 1913 г. (см. прим. 8), в создании которого писатель принимал активное участие.

¹⁰ В литературной среде относительно именованя героя Андреева и, соответственно, названия романа единства не было. В частности, Максим Горький ошибочно, вероятно, в силу все той же ассоциативной привязки, использовал форму *Жигулев*. Эта форма нашла отражение и в переводе романа на английский язык: Andreyew, L. (1925). *Sachka Gigouleff* / transl. by L. Hicks. New York : Robert M. Mc Bride and Company [Литературное наследство, 400]. Издание, как известно, не претерпело авторских правок, так как осуществлялось в 1925 г., после смерти Андреева, но имело предисловие Горького.

А мыслимая в силу фонетического сходства «спаянность» с поволжским топонимом может быть расценена двояко: с одной стороны, как авторский ход, где культурные переключки использованы для усиления романного образа прототипичным сходством с Разиным-ратоборцем, а с другой стороны, как неудача писателя, когда ассоциативная отсылка к образу разбойника Стеньки оказалась доминирующей, переподчинившей и в результате поглотившей символику, заключенную автором в имени героя. Однако роман задумывался Андреевым не как реалистическое повествование о суровых реалиях экспроприаторско-террористического движения в России, а как роман-миф [Каманина, 2000; Московкина, 2005], где судьба главного героя зашифрована в символической мифооснове, которая глубже и сложнее прямых ассоциаций. Таковая присутствует и в имени заглавного героя и определяется авторской этимологией антропонима *Жегулев*, о которой подробнее ниже.

Судя по названиям частей романа (см. прим. 4), Андреев в качестве основного сюжето- и конфликтообразующего аспекта видит противоположение «Погодин — Жегулев». Различия в «статусе» героя акцентирует также форма его личного имени: *Саша* (Погодин) и *Сашка* (Жегулев)¹¹. Наличие в структуре слова суффикса -к придает ему эмоционально-модальный оттенок фамильярности, умаления достоинств именуемого, вплоть до уничтожения. Наиболее яркое его проявление видно в сцене клеймения девушкой Глашей своих обидчиков «разбойничьим» именем их атамана, в этом контексте выступающим как нарицательное: «Насильники! Га-а-ды! <...> Разбойники, Сашки Жегулевы!» [Андреев, 1994б, 188].

Обе фамилии — *Погодин* и *Жегулев* — присутствуют в русском антропонимиконе, обе узуальны. Однако если фамилия *Погодин* признается производной от имени-прозвища *Погода*, запечатлевшего «в себе время и обстановку рождения ребенка» [Федосюк, 2011], то происхождение фамилии *Жегулев* не столь однозначно. Русские фамилии с корневым *жиг-* / *жег-* (*жог-*) (*Жигарев*, *Жигунов*, *Жеглов*, *Жогов* и др.), как правило, производны от прозвищ, восходящих к диалектным глаголам *жигать* / *жегать* (*жѣгнуть*) ‘предавать огню’, ‘заставить гореть’, ‘вызывать чувство, подобное ожогу’ [см.: СРНГ, 9, 98–99, 165–166]; значения глаголов сохраняются и в массе производных от них слов (ср. ст.-рус. *жегуля* ‘запальник к огнестрельному оружию’ [Грачев, 2009, 103]). Однако среди подобных образований слово *жигуль* по семантике заметно отстоит от всех иных. Фиксируются такие его значения, как ‘тонкий, длинный человек’ [Веселовский, 1974; Федосюк, 2011], а также ‘шалун, повеса, баловень’ [СРНГ, 9, 167] (ср. еще влад., калуж. *жигулісты* 1. ‘тонкий, длинный’, 2. ‘о худом, высоком, гибком человеке’, 3. ‘о быстром, ловком, проворном человеке’ [Там же]).

¹¹ Интересно, что имени герой не меняет, но отказывается от своего отчества *Николаевич* в пользу *Иванович*.

Четко разделяет прозвища *Жигуль* и *Жегуль* С. Б. Веселовский, указывая в «Ономастиконе», что только последнее «мотивировано семантикой диалектного глагола *жегать* ‘жечь’, ‘жалить’» [Веселовский, 1974]. В. А. Никонов, предположивший образование топонима *Жигули* от слова *жиган* (‘опытный острожник’), подчеркивал, что *Жигули* «едва ли из *жечь* в значении ‘место выжигания лесов’, в этом случае форма названия пока ничем не оправдана» [Никонов, 1966, 140]. М. А. Грачев сводит ряд слов, которые могут мотивировать образование исследуемого нами онома, к исходному арготизму все с тем же значением ‘жечь’. Так, фамилию известного разбойника *Жигулина* он характеризует следующим образом: «Известно, что фамилии порой образуются от прозвищ или по роду деятельности. И не случайно, что она вполне могла образоваться от воровской клички (имени, прозвища) *Жи(е)гуля* или, скорее всего, по роду занятий — *жегуля* — “профессиональный преступник или беглый”» [Грачев, 2009, 103]. «Можно предположить, что имелся ранее не зафиксированный арготизм *жи(е)гуля* — изначально либо “беглый”, либо “преступник”, либо “волжский разбойник”. <...> Скорее всего, *жегуля* образовано от слова *жечь*: тот, кто поджигает дома своих угнетателей и убегает» [Там же].

Таким образом, фамилия *Жигулев* может быть мотивирована словами как со значением ‘жечь’, так и с иными (перечисленными выше и необязательно связанными со жжением) значениями, а *Жегулев*, скорее всего, производна от слов, доминантой которых является значение ‘то, что жжет’. Следовательно, у Андреева написание через *-е-* фамилии героя романа, в котором бесспорна доминанта символики *о г н я*, с художественной точки зрения принципиально, как подсказка читателю сообразного авторской идее восприятия заглавного онома. Ведет происхождение фамилии героя от глагола *жечь* и литературовед Л. А. Смирнова [1993, 209]. И действительно, огонь в романе стал и символом борьбы, и метафорой врачующего язвы общества средства, и неподконтрольной человеку стихии, ознаменовавшей для Сашки Жегулева своеобразный рубикон, точку невозврата — сожжение мостов.

Принимая во внимание актуализацию диалектного компонента в фамилии этого героя, можно допустить возможность нехарактерного для сложившейся на сегодняшний день традиции ударения — *Жегу́лев* (от *жегу́ль*). В связи с этим гипотетическим фактом обращает на себя внимание ранний набросок одноактной пьесы Андреева (26 сентября 1902 г.), главным действующим лицом которой является некто *Жекулин* [Андреев, 2012]. Этот герой миниатюры, не ведающий «над собой силы подчиняющего всех Закона» [Козьменко, 2012, 193] и противостоящий враждебному окружению, безусловно, схож с Сашкой Жегулевым, человеком вне закона и выше его. А с учетом того, что имя другого персонажа из этого наброска позднее автор использовал «вторично» [Там же, 194], не исключено употребление им и фамилии главного действующего лица, правда с некоторой «доработкой», а именно заменой звука [к] на парный звонкий [г] (*Жеку́лин* — *Жегу́лин*) и сменой

характерной для русских фамилий финали *-ин* на не менее распространенное *-ев* (*Жегулин* — *Жегулев*).

Еще более значительные изменения в форме имени героя можно предположить, анализируя эпизод романа, зафиксировавший все фонетические особенности исследуемого онима. В главе «Накануне» (часть II) есть сцена беседы членов лесной братии о популярности Сашки Жегулева в народе (позволим себе выделить места, на которые следует обратить внимание):

— Далеко молва идет, — отозвался слабо бродяга, — я еще где услышал! Так и говорят: у нас ничего нет, а иди, брат, к Жигалеву... (1)

— Жегулеву, — поправил матрос (2).

— Жигулеву, Александру Иванычу, он тебя к делу приспособит... (3) [Андреев, 1994б, 153].

«Озвучение» этой сцены во всех необходимых для ее понимания нюансах невозможно при произношении фамилии героя с ударением на конечный слог, неизбежном в форме *Жегулёв*. Акцентирование последнего слога и значительное «ослабление» гласного в первом слоге до звука [ь] не способно отразить ни факта двойной ошибки в первой реплике (1), ни сути ее устранения матросом (2), ни повторной ошибки бродяги (3), — т. е. смысла всей этой сцены. Что касается формы *Жегулев*, то в ней гласный первого предударного слога также редуцирован до звука [и³], равно близкого и к [и], и к [э], а значит, такая форма тоже не дает полного представления о сути диалога. Понимание того, как точно звучит фамилия атамана, возможно исключительно при ударении на первый слог, когда различие фамилий *Жёгулев* и *Жигулев* явственно. К тому же форма онима *Жёгулев* концептуально важную сему «жечь» актуализирует максимально полно для ее точного «считывания» читателем. Таким образом, оним *Жегулев* в отличие от *Жегулёв* служит художественным средством для углубления образного и концептуального планов романа о русской вольнице периода экспроприации — смутного для России времени, овеянного пламенем революций.

Как видим, особенности художественного оформления именованного в творчестве Л. Н. Андреева достойны пристального внимания и широкой дискуссии. Семантико-интерпретационный код, заключенный в избираемых писателем именах героев, требует расшифровки, для которой немаловажен авторский посыл, в том числе установка писателя на преодоление слишком очевидных и, как следствие, поверхностных ассоциаций.

Оним *Жегулев* вынесен писателем в название романа как наиболее значимый для раскрытия его идеи. Слагаемые авторской «этимологии» данного онима многоаспектны. Они включают и концептуальную сферу романа с символической доминантой огня, и общетворческую плоскость с ранними находками Андреева и более поздними их переработками, и чисто лингвистический пласт (фонетико-акцентологический, диалектологический). Семантику имени *Жегулев* определили

такие факторы, как его написание через корневое *-е-* (что в определенной степени отчуждает от топонима *Жигулёвские горы*, который писателем на письме воспроизводился именно в таком варианте), «перетянутое» на него ударение и актуализация внутренней формы слова с опорой на слово-символ *жечь*.

Художественная номинация — только разрабатываемый сегодня аспект поэтики творчества Леонида Андреева. Отдаем себе отчет в том, что выдвигаемые нами положения нарушают сложившиеся в современном андрееведении нормы и могут вызывать споры. Однако наличие фактов ошибочного понимания художественного ономастикона писателя (в частности, написания и произношения исследуемого онима) требует их выявления и устранения. А так как ономастические единицы в наследии Андреева еще не получили должного научного освещения, то, надеемся, наше исследование будет способствовать активизации их как предмета изучения, а наши изыскания в этой области придадут вопросу андреевского ономастикона проблемно-дискуссионный характер.

Источники

- Андреев Л. Н.* Волга и Кама // Андреев Л. Н. Полн. собр. соч. : в 8 т. СПб. : Т-во А. Ф. Маркс, 1913. Т. 6. С. 255–269.
- Андреев Л. Н.* S.O.S. : Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступ. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М. ; СПб. : Atheneum-Феникс, 1994а.
- Андреев Л. Н.* Сашка Жегулев // Андреев Л. Н. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4 : Рассказы ; Роман ; Пьесы 1911–1913 / сост. И. Андреева. М. : Худож. лит., 1994б. С. 73–258.
- Андреев Л. Н.* <Жекулин> / публ. М. В. Козьменко // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 195–198.
- Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. Т. 4 / отв. ред. Р. Дэвис, М. В. Козьменко. М. : Наука, 2017.
- Ведина Т. А.* Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения. М. : Астрель, 2008. Литературное наследство. Т. 72 : Горький и Л. Андреев. Незданная переписка / под ред. К. Д. Муратовой. М. : Наука, 1965.
- Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М. : Мысль, 1966.
- Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1907.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб. : Типо-лит. И. А. Ефрона, 1890–1907.

Исследования

- Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.
- Глуценко Т. А.* Имена персонажей как способ выражения авторской модальности в пьесе Леонида Андреева «Мысль» // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения писателя (28–30 сентября 2006 г.) / отв. ред. П. А. Ковалев. Орел : Каргуш, 2006. С. 101–104.

- Грачев М. А. Жигули и жиган: о происхождении топонимов // Рус. речь. 2009. № 2. С. 191–104.
- Иезутова Л. А. Автор — название — идея — позиция в произведениях Леонида Андреева // Иезутова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века : избр. труды. СПб. : Петрополис, 2010. С. 260–281.
- Икитян Л. Н. Дьявольская провокация (статья первая). Христианская онтология и способы ее проверки в драме Леонида Андреева «Анатэма» // Гуманитар. парадигма. 2017. № 2. С. 5–15.
- Каманина Е. В. Роман Леонида Андреева «Сашка Жегулев»: Проблема неомифологизма // Филол. науки. 2000. № 4. С. 22–30.
- Козьменко М. В. У истоков драматургии Леонида Андреева: неизвестная пьеса о законе и жизни человека // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 192–194.
- Московкина И. И. Между рго и сонга: координаты художественного мира Леонида Андреева. Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2005.
- Сапожникова Л. М. Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен (на материале немецкого языка) // Вопр. ономастики. 2015. № 1 (18). С. 175–185.
- Смирнова Л. А. Русская литература конца XIX — начала XX века. М. : Просвещение, 1993.
- Федосюк Ю. А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М. : Флинта : Наука, 2011.
- Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 108–120.

Рукопись поступила в редакцию 26.01.2018

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков
 ст.-рус. старорусский язык
 В названиях говоров русского языка
 влад. владимирские
 калуж. калужские

* * *

Икитян Людмила Нодариевна
 кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»,
 Межрегиональный институт развития территорий
 296012, Республика Крым, г. Армянск,
 ул. Каховская, 47
 E-mail: ludmilkatiran@mail.ru

Ikitian, Lyudmila Nodarievna
 PhD, Editor-in-Chief of the journal *Humanities Paradigm*,
 Interregional Territorial Development Institute
 47, Kakhovskaya Str., 296012, Armyansk,
 Republic of Crimea
 E-mail: ludmilkatiran@mail.ru

Lyudmila N. IkityanInterregional Territorial Development Institute
Armyansk, Republic of Crimea**A LEGITIMATE ERROR:
ON ONE SURNAME IN THE WORKS OF LEONID ANDREEV**

The paper aims to substantiate/refute the implications behind the title character's name of Leonid Andreev's first novel *Sashka Zhegulev*, pertaining to some pronunciation and spelling allusions it suggests. The controversy arises from the alleged explicit reference to the toponym *Zhiguli Mountains*, with the inherent historical, cultural, and connotative marking. The author proves the fallacy of this approach that contradicts the whole concept of the novel, its main symbolism, and a number of textual facts, which cumulatively provide the evidence for the research. The latter is added up by linguocultural data and self-intertextual references to the writer's early unfinished play. Concurrently, the article contains some general provisions on character naming in Andreev's works (particularly, the use of speaking names, initial abbreviations, and elliptical "zero-structures"). The novel in question features a name change to the main character — as *Sasha Pogodin* becomes *Sashka Zhegulev* — which appears a full-potent literary device when the latter form is put to the title. As the study suggests, the surname *Zhegulev* is brought by a number of phonetic-accentological and lexical-semantic (essentially dialectological) factors. The contextual analysis reveals a link to Andreev's early literary attempts (sketches of the drama *Zhekulin*) and helps to establish the sequence of the onym's formation: *Zhekulin* — *Zhegulin* — *Zhegulev* — *Zhégulev*. The form *Zhegulióv* proves incorrect even with regard to the text itself and one fragment in particular when cited in accordance with the authentic "sounding" (positional changes of the sounds) that allows for the only option — *Zhégulev*. The author argues that decoding and interpreting the semantics of literary proper names requires attending to the pragmatics of the author, so as to avoid the trivial and thereby superficial associations which turn out persistently misleading both for the regular readers and the representatives of the academic community.

Key words: naming in literature, literary onomastics, proper name, the poetics of the proper name, name change as a literary device, name (title) of a literary work, Leonid Andreev, *Sashka Zhegulev*.

- Fedosyuk, Yu. A. (2011). *Russkie familii. Populiarnyi etimologicheskii slovar'* [Russian Surnames. A Popular Etymological Dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka.
- Fomin, A. A. (2004). Literaturnaiia onomastika v Rossii: itogi i perspektivy [Literary Onomastics in Russia: Results and Perspectives]. *Voprosy onomastiki*, 1, 108–120.
- Glushchenko, T. A. (2006). Imena personazhei kak sposob vyrazheniia avtorskoï modal'nosti v p'ese Leonida Andreeva "Mysl'" [Character Names as a Means of Delivering the Author's Pragmatics in Leonid Andreev's Play *Thought*]. In P. A. Kovalev (Ed.), *Tvorchestvo Leonida Andreeva: sovremennii vzgliad: materialy mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 135-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia (28–30 sent. 2006)* [Leonid Andreev and his Works: a Modern View: Proceedings of the International Conference Dedicated to the 135th Anniversary of the Writer's Birth (September 28–30, 2006)] (pp. 101–104). Orel: Kartush.
- Grachev, M. A. (2009). *Zhiguli i zhigan: o proiskhozhdenii toponimov [Zhiguli and Zhigan: on the Origin of Place Names]*. *Russkaia rech*, 2, 191–104.

- Iezuitova, L. A. (2010). *Leonid Andreev i literatura Serebrianaogo veka: izbrannye trudy* [Leonid Andreev and the Russian Silver Age Literature: Selected Works]. Saint Petersburg: Petropolis.
- Ikityan, L. N. (2017). D'iavol'skaia provokatsiia (stat'ia pervaiia). Khristianskaia ontologiiia i sposoby ee proverki v drame Leonida Andreeva "Anatema" [The Devils Provocation (Article One). The Christian Ontology and its Verification in Leonid Andreev's Drama *Anatema*]. *Gumanitarnaia paradigma*, 2, 5–15.
- Kamanina, E. V. (2000). Roman Leonida Andreeva "Sashka Zhegulev": Problema neomifologizma [Leonid Andreev's Novel *Sashka Zhegulev*: the Problem of Neo-Mythologism]. *Filologicheskie nauki*, 4, 22–30.
- Kozmenko, M. V. (2012). U istokov dramaturgii Leonida Andreeva: neizvestnaia p'esa o zakone i zhizni cheloveka [At the Onset of Leonid Andreev's Drama: an Unknown Play about Law and Human Life]. *Uchonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 192–194.
- Moskovkina, I. I. (2005). *Mezhdru pro i contra: koordinaty khudozhestvennogo mira Leonida Andreeva* [Between *Pro* and *Contra*: the Framework of Leonid Andreev's World]. Kharkiv: KhNU im. V. N. Karazina.
- Sapozhnikova, L. M. (2015). Natsional'no-kul'turnyi komponent v semanticheskoi strukture monoreferentnykh sobstvennykh imen (na materiale nemetskogo iazyka) [The Cultural Component in the Semantic Structure of Monoreferential Proper Names: the Case of the German Language]. *Voprosy onomastiki*, 1(18), 175–185. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.009
- Smirnova, L. A. (1993). *Russkaia literatura kontsa XIX — nachala XX veka* [Russian Literature of the Late 19th — Early 20th century]. Moscow: Prosveshchenie.
- Veselovsky, S. B. (1974). *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow: Nauka.

Received 26 January 2018